

ФРАНК К. М. — в РКИ, ЦК

ФРАНК Ксения Маврикиевна, родилась в 1899. С 1915 — служила машинисткой в учреждении. С 1920 — после замужества занималась домашним хозяйством и воспитанием двух детей. В 1923 — проживала в Череповце, затем — в Ленинграде, работала табельщицей в учреждении. 29 июля 1924 — арестована как сестра Морица Конради¹, 2 сентября приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Свердловск; работала машинисткой в строительном тресте. В ноябре 1930 — после увольнения с работы обратилась за помощью в Центральную Комиссию по чистке.

<25 ноября 1930>

«Копия

НАРКОМ Р<абоче->К<крестьянской> И<нспекции>

Гор<од> МОСКВА.

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ КОМИССИЮ ПО
ЧИСТКЕ СОВ<етского> АППАРАТА

гр<аждан>ки ФРАНК Ксении
Маврикиевны, проживающей
в г<ороде> Свердловске,
В<ерхне>-Исетском заводе по
ул<ице> Лассалья в доме № 18

З а я в л е н и е

Прошу Центральную Комиссию по чистке сов<етского> аппарата пересмотреть вопрос об увольнении меня в порядке чистки по 1-й категории и полностью отменить постановление ведомственной и областной Комиссии, т<ак> к<ак> не только выводы, но и материал, взятый таковыми в основу моего обвинения, совершенно не верны.

Переходя к содержанию обвинения, считаю необходимым сделать должные возражения по его пунктам.

Ни враждебным, ни чуждым сов<етской> власти элементом я никогда не была. Поступив на службу еще до февральской революции в возрасте 16 лет, я не оставляла таковой до 1920 года, служа вначале в разных предприятиях, а с августа 1918 г<ода> в советских учреждениях. С 1920 по 1923 год был перерыв в моей службе, т<ак> к<ак> в этот период я имела двоих детей. Затем, с 1923 по 1924 г<од> опять служила, с перерывом в виду переезда в Ленинград из Череповца и в июле месяце, состоя на службе, была арестована и выслана в Сибирь.

Мой брат, убивший в Швейцарии т<оварища> Воровского, не жил в нашей семье с 1914 г<ода>, то есть с момента, когда мне было 15 лет, и с тех пор я с ним никакой связи не имела, а видела последний раз в 1917

---

¹ КОНРАДИ Морис Маврикиевич, родился в 1896 в Петербурге. В 1916 — студентом Технологического института ушел добровольцем на фронт, командовал ротой, поручик, был ранен. В 1918 — после расстрела во время "красного террора" дяди, тети, старшего брата и гибели от голода в тюрьме отца, взятого в заложники, бежал из Петрограда на юг, воевал в Белой армии. Осенью 1920 — после эвакуации из Крыма добрался до Швейцарии, работал клерком в торговом доме Цюриха. Вечером 10 мая 1923 — в ресторане гостиницы "Сесиль" в Лозанне выстрелом в затылок убил советского дипломата Вацлава Воровского. 14 ноября 1923 — на суде большинством присяжных признан не подлежащим уголовному наказанию, как "действовавший под давлением обстоятельств, происшедших из его прошлого". Этот оправдательный приговор был с одобрением встречен западной и русской эмигрантской прессой.

году, в котором он и исчез без вести на фронте. Следующим моментом, когда я узнала о его существовании, было газетное сообщение об убийстве им Воровского. Из сказанного ясно следует, что ничего общего между мною и моим братом не было. Сам факт моей высылки в административном порядке указывает на то, что это была мера временной изоляции, без какого-либо даже косвенного, моего причастия к преступлению, совершенному моим братом, т<ак> к<ак> в противном случае, дело, естественно, приняло бы совершенно другой оборот.

Подчеркивание моей, якобы, неблагонадежности тем фактом, что мой второй брат находится в ссылке в Нарыме, не выдерживает никакой критики, т<ак> к<ак> он выслан также лишь за преступление, совершенное его старшим братом, т<о> е<сть> за то же, за что и я.

Никаких оснований указывать на то, что мой муж арестован по подозрению во вредительстве Комиссия не имеет, т<ак> к<ак> об этом нет никаких данных, а кроме того, вряд ли это вообще может иметь место, так как мой муж никогда не занимал ответственных или технических должностей, на которых мог бы быть подозреваемым в таком преступлении.

В данное время мой муж находится под следствием, и, конечно, до его окончания вообще нельзя говорить о какой бы то ни было его вине.

Та связь с семьей, находящейся за границей, на которую указывает Комиссия, заключается лишь в очень редкой переписке с моей матерью и сестрой, проживающими в Швейцарии. Моя мать всегда была швейцарской гражданкой, т<ак> ч<то> ее проживание в Швейцарии вполне понятно, и вряд ли кто может осудить меня за те редкие письма, которыми я обменивалась с моей матерью. С моим братом, убившим т<оварища> Воровского, как сказано выше, я ничего общего не имею и никакой связи не поддерживаю.

С 1919 г<ода> по день ареста, т<о> е<сть> по 29 июля 1924 г<ода> я была членом профсоюза. При аресте профсоюзный билет был от меня отобран. Затем в течении 6 лет, будучи административно-ссылной, я, естественно, не могла быть членом профсоюза. Что касается лишения меня права голоса, то по тем же причинам последние 6 лет — это вполне естественно, и я, конечно бывала помещена в списках лишенцев, объявляемых перед перевыборами советов. В 1930 году в таковых списках я помещена уже не была в виду того, что 2 сентября 1930 г<ода> окончился мой срок высылки.

Наконец, последний аргумент Комиссии, пытающейся найти в моих действиях желание вредить советскому строительству, т<о> е<сть> короче и точнее говоря ВРЕДИТЕЛЬСТВО, совершенно лишен основания, по следующим причинам:

1) Ни раньше, ни теперь я не занимала самостоятельных должностей, а будучи табельщицей или машинисткой, конечно, никакого вреда принести нельзя ничем, кроме недобросовестностью самой работы, а я же всегда считалась и была в действительности добросовестной работницей.

2) На Урал я не "перебралась" добровольно, как это указывает Комиссия, а была вынуждена там поселиться, так как имела так называемые "минус шесть" и лишь в Свердловске у меня имелись родственники, на помощь которых можно было рассчитывать в случае тяжелого материального положения.

3) Ровно 6 лет я находилась на учете в ГПУ и поступила в 5-й Строительный трест с ведома и разрешения П<олномочного> П<редставительства> ОГПУ по Уралу, каковые давая это разрешение, очевидно руководствовались имеющимися у него данными.

Из всего вышесказанного видно, что все те факты, которые берет комиссия в основу своего обвинения, являются не следствием каких бы то

ни было действий с моей стороны, а лишь следствием моего родства с братом, убившим т<оварища> Воровского.

Позволю себе обратить Ваше внимание на совершенно недопустимое издевательское отношение ко мне Ведомственной Комиссии по чистке, выразившейся в публичных насмешках, не имевших прямого отношения к вопросу чистки и никакого отношения к моей работе. Издевательство было настолько оскорбительным, что, несмотря на мое твердое желание и намерение быть сдержанной и хладнокровной, я даже в конце концов потеряла самообладание и позволила себе, к моему величайшему сожалению, несколько резких фраз.

Не чувствуя и не находя никакой вины с моей стороны по отношению к сов<етской> власти и СССР, работая всегда добросовестно и честно, что, между прочим, письменно подтверждено в Комиссии по чистке и искренно желая продолжать и далее работать, отдавая с пользой свои знания, я прошу о моей реабилитации.

К. Франк»².

---

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 646. С. 181-182. Машинопись, подпись — автограф.